

Катриона Келли

Опасности, которые таит знакомый мир: русская народная культура от начала XIX века

Вводные замечания

В последние годы стало обычным — особенно среди молодых историков — рассматривать трансформации, через которые прошло советское общество, прежде всего в сталинскую эру, исходя из аналитической системы координат, акцентирующей сопоставимость изменений, пережитых бывшей Российской империей, с переменами, произошедшими в результате реализовавшихся в ту же самую эпоху, осознанно модернизаторских устремлений иных, европейских, в широком смысле западных режимов (во Франции, Британии, Германии, Италии и в США). Следуя Норберту Элиасу и Мишелю Фуко, исследователи подчеркивают не только репрессивный, но и конструктивный характер советского государства и его руководства, указывая на «цивилизующий процесс», оказавший глубокое воздействие на ментальность, экономическое устройство и материальную культуру страны¹. В то же самое вре-

Катриона Келли (Catriona Kelly)
Оксфордский университет,
Великобритания

¹ См., например: [Hoffmann 2003]; [Russian Modernity 2000]; [Kotkin 1994]; [Волков 1996]; [Kozlova 1998]. См. также поучительный опыт сравнительной историографии: [Mazower 1998].

мя ощущение, что советский «цивилизующий процесс» обладал иными следствиями по сравнению с подобными процессами, происходившими в других современных европейских государствах, привело к росту интереса к тому, что сами советские идеологи описали бы как «пережитки прошлого»: к проблеме сохранения архаических верований, типов восприятия и мироощущения в представлениях советской эпохи. Под влиянием историографии других культур, особенно Китая, получила широкое распространение точка зрения на Советский Союз как на «неотрадиционалистское общество», где традиционные верования и практики не столько подавлены или загнаны в подполье, сколько получают сильную подпитку (хотя и в виде превращенной формы) — процесс, шедший одновременно как пассивно (результат культурной инерции), так и активно (апелляция советских идеологов к существующим представлениям о справедливости, равенстве, приличиях, коллективной и национальной идентичности в качестве стратегии легитимации)¹.

Однако, по крайней мере в англо-американском мире этот сдвиг, произошедший в историографии, имел место при бросающемся в глаза почти полном отсутствии внимания к возможным «традициям», подвергавшимся переоформлению и ревитализации в «неотрадиционалистском» обществе. Часто анализ строится на вычитании: верования и практики, представляющиеся аномальными в контексте общей модели развития современных «вестернизированных» обществ, молчаливо признаются проявлениями «традиции». Если генезис черт, присущих советской ментальности, возводится к дореволюционному миру, исследуемый материал почти всегда берется из интеллектуальной культуры: из канонов радикальной политической философии или наоборот, религиозной мысли (см., напр.: [Boym 1994]; [Steinberg 2002]). Работы, посвященные наследию «традиции», понимаемой как не-элитарная культура, стремятся использовать крупномасштабный, абстрактный подход, который позволяет почти совсем не обращать внимания на детали². Исторические исследования, обращенные к конкретному содержанию верований необразованного населения и работающие с материалом, который в зависимости от терминологических предпочтений можно классифицировать как «фольклор» или «народные верования», являются редкими. А там, где подобный материал попадает в поле зрения историков, это вооб-

¹ До сих пор «неотрадиционалистские» интерпретации стремились акцентировать культурную инерцию: см., например, то, что Шейла Фитцпатрик пишет о жизнестойкости сословных принципов в Советской России: [Fitzpatrick 1993]; см. также [Martin 2000].

² См., например: [Вишневский 1998] (по сути своей книга Вишневского является компедиумом статистических данных). См. также довольно небрежные построения Б. Миронова: *Peasant Popular Culture and the Origins of Soviet Authoritarianism // Cultures in Flux*. 1994. P. 54–73.

ще происходит без учета аналитических категорий (таких как жанр), с которыми привыкли работать фольклористы [Смит 2004]. Одну из причин подобной ситуации можно видеть в той подозрительности, которую испытывают историки по отношению к «неисторической» природе фольклористики. Как сформулировал это Стивен Ловелл в своих заметках, публикуемых ниже, *«история, как мне кажется, часто становится ахиллесовой пятой фольклористов и этнографов»*, поскольку они *«занимаются исследованием культуры, которая является глубоко „традиционной“ и потому сопротивляется резкой историзации. Континуальности всегда гораздо более очевидны, чем разрывы»*. Можно было бы добавить, что историки обычно интересуются социальными структурами и механизмами власти, в то время как этнографы, антропологи и фольклористы — символическими проявлениями культуры и (по крайней мере в первых двух случаях) механизмами социального контроля и сохранения консенсуса. В стабильной по сути модели общества, принятой этими дисциплинами в их классических проявлениях, неясно, как вообще традиции могут «обновляться», вырождаться или претерпевать значительные изменения.

Между тем, подобные объяснения не являются достаточными. Во-первых, в рамках самого «неотрадиционализма» «традиция» мыслится в качестве трансисторической категории (а ее возможное многообразие в темпоральном плане игнорируется, поскольку содержание традиции сводится ко всему тому, что предшествует модернизации)¹. Во-вторых, практики «неотрадиционализма» стремятся игнорировать даже антропологические исследования отчетливо историзирующего типа². Недавним примером подобной работы, основанной на нероссийском материале, является книга Нейла Уайтхеда *«Dark Shamans: Kainama and the Poetics of Violent Death»* — анализ того, как практиковавшаяся в горных районах Гайаны форма «атакующего колдовства» (когда жертв выслеживают и мучают до смерти посредством разнообразных обценных ритуалов) оказалась в центре внимания «гипертрадиционализма» (в качестве метода запугивания аутсайдеров и людей, отстаивающих необходимость социальных перемен). Она могла бы стать образцом для изучения советского политического террора и его взаимоотношений с «традиционными» формами и смыслами. Как полагает Уайтхед, *«внимание к культурным смыслам*

¹ Я должна сказать, что это относится и к моей собственной книге [Kelly 2001], исследованию, посвященному вестернизации поведенческих моделей, где вопрос о влиянии письменных поведенческих кодексов на «традиционные» практики затрагивается лишь маргинально.

² Можно сопоставить восприимчивость к ревизионистским взглядам на традиционную культуру в историографии, посвященной России XIX в.; см., напр. [Frank 1999], а также статьи, опубликованные в сборнике [Cultures in Flux 1994].

насилия, а не к самому насильственному акту, является ключевым для наращивания нашего понимания» [Whitehead 2002: 191]. Много было сказано о месте мемориализации в русской культуре, однако детали «традиционных» практик более или менее игнорировались¹. И наоборот, недавнее исследование, посвященное «намеренному избирательному забыванию» или «бесчисленным преднамеренным способам изгнания тех или иных вещей и мыслей, которые терзают нас или кажутся устаревшими», указывает на сравнительный контекст для столь же значимого механизма, посредством которого прошлое уничтожается или стирается [The Art of Forgetting 1999: XII]. Равным образом, продолжающиеся споры о том, насколько «большевистский язык» получил распространение среди широких масс советских людей в качестве средства выражения и свидетельства изменений, которые претерпевает мировидение, могли бы приобрести большую изощренность, если бы особое внимание уделялось техническим особенностям, вроде жанра и стиля, а также проблеме того, откуда черпали представители советского рабочего класса и крестьянства свои представления о том, что являлось пригодным в качестве средств коммуникации². «Политическая конформность» в данном случае оказалась бы частью гораздо более значительного набора возможностей того, что касается этикета и протокола, а на самом деле и социальных отношений в самом широком смысле. Здесь, например, работа Светланы Адоньевой о конвенциях, которыми обставляется исполнение частушек, и значении частушки для коллективно санкционированного самовыражения — обладающего одновременно личным и сверхличным характером —

¹ Например, в первой главе книги К. Мерридейл [Merridale 2001] анализ традиционных типов отношения к смерти базируется на горстке непрокомментированных и не помещенных в контекст материалов Тенишевского архива, нескольких старых англо-американских антропологических работ и избирательно подобранной дополнительной литературы, главным образом англоязычной. Работы таких российских ученых как Вяч.Вс. Иванов, О.А. Седакова, А.К. Байбурун и пр. не упоминаются.

² До сих пор многие исследования «советской субъективности» концентрировались на таких концептах как «ценности», не говоря о том конкретном языке, на котором эти ценности были выражены, или об их возможном содержании в «традиционном» контексте. См., например: [Hellbeck 1996]; [Lenoe 1999]. Равным образом фраза Стивена Коткина о «говорении по-большевистски» получила всеобщее распространение, однако как обозначение ментальных процессов, а не в качестве стилистического определения. Что касается работ, более чутких к языковым особенностям, см., например, исследования Майкла Горема [Gorham 1998; Gorham 2003] и превосходное исследование мифологизации Октябрьской революции [Corney 2004]. Работа [Kelly 2002] посвящена одному конкретному жанру, проанализированному с точки зрения предписаний и практик. В книге Шейлы Фитцпатрик «Tear Off the Masks!» [Fitzpatrick 2005] разговор идет о некоторых случаях, когда коммуникативные стереотипы оказывают воздействие на выражение идентичности, например, так называемые «file selves» (т.е. то, как пишут люди о себе, когда заполняют официальные анкеты и т.д.). Между тем книга не затрагивает вопрос о том, как люди усваивают «поэтику» данного жанра или других рассматриваемых жанров, например, доноса. Написанные по-русски работы, посвященные этому материалу, являются значительно более детальными; см., например: [Утехин 2004].

могла бы дать определенную пищу для размышлений [Адоньева 2004]¹.

Именно ощущение необходимости более широкого диалога между историками России, особенно Советской России, и специалистами, работающими в других областях, связанных с изучением культуры (фольклора, этнографии, антропологии), а также в связи с этим необходимость более широкого диалога между западными и российскими учеными и подтолкнули нас к организации «Опасностей, которые таит знакомый мир» — однодневной конференции, посвященной (за неимением лучшего термина) «русской народной культуре»². Среди участников конференции были антропологи (Каролайн Хамфри), этнографы (Альберт Байбурин), историки общества и культуры (Стив Смит) и специалисты по русскому фольклору и народной культуре (Фэйт Уигзелл)³. Были приглашены также три дискуссионанта, сферой профессиональных занятий которых являются различные области социальной и культурной истории — дискурсивный анализ (Дэниэл Бир и Полли Джонс) и история повседневности (Стивен Ловелл)⁴.

Двое из участников (Уигзелл, Смит) в значительной степени посвятили свои выступления тому, как «народная культура» или «фольклор» интерпретировались в рамках интеллектуальной традиции — политиками, идеологами и академическими учеными. Однако основная цель конференции заключалась в том, чтобы обратиться к интеллектуальным и духовным явле-

¹ Материал такого рода важен и для недавних споров о «советской субъективности»: он указывает на по сути зависящее от той или иной конкретной ситуации представление о «я», которое выходит за пределы концепции «либерального субъекта», подвергнутой критике в [Krylova 2000], причем данная модель свободна от опасности стать столь же унитарным альтернативным концептом (от подобной опасности не свободен подход, который использует Хеллбек в своей работе о Подлубном).

² Конференция была устроена в рамках «New College Symposium», серии неформальных междисциплинарных обсуждений, организуемых научным обществом New College (Оксфордский университет). Темы предыдущих встреч включали феномен «blindsight» (явление объективно фиксируемой слепоты, при которой сам человек чувствует себя зрячим), танец в эпоху Ренессанса, биографию и т.д.

³ Книги Каролайн Хамфри включают [Humphrey 1983]; [Humphrey 2002]; [Markets and Moralities 2002]; *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism* (Cornell University Press, 2002). Альберт Байбурин является автором книг [Байбурин 1983], [Байбурин 1993] и др. работ; работы Стива Смита включают [Smith 1983]; [Smith 1998]; [Smith 2002]. Среди публикаций Фэйт Уигзелл, посвященных русской народной культуре, — [Wigzell 1998].

⁴ Стивен Ловелл — автор исследования о русской даче [Lovell 2003] (см. рецензию Ильи Утехина в «Антропологическом форуме» 2004. № 1) и книги о культуре чтения в России [Lovell 1999]. Он также является редактором сборника [Bribery and Blat 2000]. Публикации Дэниела Бира о дискурсах заражения и болезни в революционной России включают [Beer 2004]. Работы Полли Джонс об иконоборческих дискурсах в постсталинской России и России постсоветской включают [Jones forthcoming] и редактирование сборника, посвященного культу личности: [The Leader Cult 2004].

ниям, находящимся за пределами Нового времени, понимаемого не только в смысле интеллектуальной культуры, сложившейся в постпросвещенческую эпоху, но и в смысле коммерциализированной, урбанизированной среды проживания, которая в последние годы все больше и больше начинает пониматься в качестве «русской народной культуры»¹. Название конференции — «Опасности, которые таит знакомый мир» — должно было подчеркнуть парадоксальность (с «западной» точки зрения) культурной системы, которая могла (и может) понимать мир как одновременно знакомый и неподконтрольный. Несомненно, таким образом в данной системе выстраивалась (и выстраивается) связь между знанием и властью, однако функционирование системы оказывалось более уязвимым благодаря представлениям о знании (языке) как о чем-то, обладающем особым — как физическим, так и спиритуальным — существованием — представлениям, замечательно продемонстрированным в докладе Альберта Байбурина о традиционных языковых концептах. Это был мир, в котором знание могло быть (а в действительности должно было быть) передано², но где оно могло быть разрушено (через уничтожение человека — хранителя знания), или, что представляется более существенным, исчерпано и где оно было воплощено (в самом буквальном смысле) в конкретных людях, а не свободно распространялось или, напротив, складировалось в специально созданных хранилищах источников — архивах и музеях.

Помимо акцента на «инаковости» данного материала, у участников конференции оказались и другие общие проблемы, например, проблема власти (конструктивной или деструктивной), присущей языку, требующей регуляции и консервации (Хамфри, Байбурин), или жизнестойкости убеждений, касающихся реального существования сверхъестественных сил после распада «традиционного» общества в его общепринятом понимании (Уигзелл, Смит)³. Во всех докладах (прямо или косвенно) говорилось о том, что можно было бы назвать *трудностями поиска*: о проблемах, связанных с изучением «традиционной культуры» — культуры, дистанцированной от исследователя. Отсюда прежде всего возникает проблема вос-

¹ См., например [Consuming Russia 1999]; ср. направление, которое приняла дискуссия: Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. № 1.

² О необходимости передачи знания для обуздания его потенциально деструктивной силы см., напр.: [Арсеньева 1999].

³ Данные доклады дополняет статья Екатерины Мельниковой, опубликованная в первом номере «Антропологического форума»: [Мельникова 2004]. В статье подчеркивается открытость русской деревенской культуры конца XIX — начала XX веков «современным» сведениям из области астрономии.

приятия другой культуры, полученной из вторых рук, из описаний и источников, составленных с учетом оптики собирателей, обладавших своими собственными интересами. Некоторые элементы русской «традиционной культуры» могли акцентироваться в документах и хрониках, датируемых концом XIX и началом XX веков (например, те, на которые обращали внимание наблюдатели, убежденные в тесной связи между народными верованиями и до-христианской культурой); некоторые элементы могли не замечаться, оказываясь практически несуществующими. Например, этнографические свидетельства оставляют открытым для спекуляций в безвоздушном пространстве вопрос культурной передачи: как люди обучались традициям. Дети всегда представлены как объекты ритуалов. Процесс, посредством которого человек из виновника церемонии превращается в действующее лицо (попросту говоря, из объекта в субъект), оказывается за пределами свидетельств, которые предоставляют нам источники. Интерпретатор «традиционной культуры», как отчетливо демонстрируют заметки Дэниэла Бира, также сталкивается с вопросом о том, насколько следует акцентировать трансформирующее присутствие самого наблюдателя — то, как конкретные жанры или высказывания могут порождаться с учетом присутствия наблюдателя (или, как в конкретной ситуации, значимой в данном случае, как подобные жанры могут выступать в качестве ответов на культурное вторжение иного рода — политических деятелей, осуществлявших Realpolitik).

В докладе Каролайн Хамфри затронуты эпистемологические вопросы иного рода: как исследователь/интерпретатор «традиционной культуры» работает с проблемой того, что утаивается или намеренно скрывается; как работать с молчанием информантов — даже тех, которые выказывают расположение по отношению к исследователю.

Как демонстрируют доклады и комментарии, дискуссия и диалог, посвященные подобной проблематике, только начались. По мнению Полли Джонс, важнейшая аналитическая проблема инерции vs интенции остается открытой, как и в прошлом: *«Пыталась ли советская культура voltar в себя народные верования для того, чтобы породить цинически синкретический дискурс, к которому была бы восприимчива (по крайней мере поначалу) крестьянская, неграмотная аудитория? Или же кажущееся сходство между старыми языковыми запретами и советской цензурой является не лишенным иронии совпадением, быть может порожденным подсознательными представлениями самих советских вождей (уже неоднократно говорилось о семинарском образовании Сталина)?»*. Вот лишь один из множества «проклятых вопросов» для будущих споров.

Равным образом, дискуссия не была в полной мере свободна от дисциплинарных страхов — в частности, не отказываются ли сами методологии, используемые этнографами и фольклористами, от проблематики субъекта действия (agency), социальной структуры и изменений, которыми по сути дела и занимаются историки, или наоборот, не склонны ли историки не обращать внимание на континуальности и глубинные, не связанные со злобой дня смыслы. Однако ценность дискуссии и заключалась именно в том, чтобы поднять трудные вопросы: о природе традиции и трансформации, о континуальностях и разрывах в отношениях к опасности и знанию, о самой природе языка или как инструмента артикуляции чувств и нравочувствий, попытки ухватить «мир, находящийся за пределами речи», или как особого материального феномена, осязаемого, но одновременно трудноуловимого, как бумага, камень или хлеб.

Пер. с англ. яз. Аркадия Блюмбаума

Библиография

- The Art of Forgetting / Ed. by A. Forty, S. Küchle. Oxford, 1999.
- Beer D.* The Medicalisation of Religious Deviance in the Russian Orthodox Church, 1880–1905 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. Vol. 5. No. 3. P. 451–482.
- Boym S.* Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge: Mass., 1994.
- Bribery and Blat in Russia / Ed. by A. Ledeneva, S. Lovell, A. Rogachevskii Basingstoke, 2000.
- Consuming Russia: Popular Culture, Sex, and Society Since Gorbachev / Ed. by A. Barker. Durham, North Carolina, 1999.
- Corney Frederick C.* Telling October. Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, N.Y., 2004.
- Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / Ed. by S. Frank, M.D. Steinberg. Princeton, 1994.
- Fitzpatrick S.* Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. No. 4. P. 745–770.
- Fitzpatrick S.* Tear Off the Masks! Princeton, NJ, 2005.
- Frank S.* Crime, Culture, Conflict and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley, 1999.
- Gorham M.S.* From Charisma to Cant: Models of Public Speaking in Early Soviet Russia // *Canadian Slavonic Papers*. 1998. Vol. 38. No. 3–4. P. 331–356.
- Gorham M.S.* Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia. DeKalb, Illinois, 2003.

- Hellbeck J.* Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stefan Podlubnyi // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. 1996. Vol. 44. Is. 3. P. 344–373.
- Hoffmann D.L.* Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity. Ithaca, 2003.
- Humphrey C.* Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. Cambridge, 1983.
- Humphrey C.* The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism. Ithaca, 2002.
- Jones P.* De-Stalinizing «Stalin's Towns». Slavic Review. Publication forthcoming.
- The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin And The Eastern Bloc / Ed. by B. Apor, J.C. Behrends, P. Jones, E.A. Rees. Basingstoke, 2004.
- Lenoe M.E.* Letter-Writing and the State: Reader Correspondence with Newspapers as a Source for Early Soviet History // Cahiers du monde russe. 1999. Vol. 40. No. 1–2. P. 139–169.
- Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Gender, and Polite Culture from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001.
- Kelly C.* A Laboratory for The Manufacture of Proletarian Writers: The Stengazeta (Wall Newspaper), Kulturnost, and the Language of Politics in the Early Soviet Period // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. No. 4. P. 573–602.
- Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. Berkeley, 1994.
- Kozlova A.* On the Cognitive-Normative Mapping of Soviet Civilization: The Space Beneath // Soviet Civilization Between Past and Present / Ed. by M. Bryld, E. Kulavig. Odense, 1998. P. 95–113.
- Krylova A.* «The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies» // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. No. 1. P. 119–146.
- Lovell S.* Summerfolk: A History of the Russian Dacha. Ithaca, 2003.
- Lovell S.* Russia's Reading Revolution. Basingstoke, 1998.
- Markets and Moralities: Ethnographies of Postsocialism / Ed. by C. Humphrey, R. Mandel. Oxford, 2002.
- Martin T.* Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Fitzpatrick S. (ed.), Stalinism: New Directions. L., 2000. P. 348–367.
- Mazower M.* Dark Continent: Europe's Twentieth Century. L., 1998.
- Merridale C.* Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia. L., 2002.
- Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / Ed. by D.L. Hoffmann, Ya. Kotsonis. Basingstoke, 2000.
- Smith S.A.* Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917–1918. Cambridge, 1983.
- Smith S.A.* The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early-Soviet Russia // Past and Present. 1998. Vol. 160. P. 167–202.

- Smith S.A.* Masculinity in Transition: Peasant Migrants to Late Imperial St Petersburg // *Russian Masculinities in History and Culture* / Ed. by B.E. Clements, R. Friedman, D. Healey. Basingstoke, 2002.
- Steinberg M.D.* Proletarian Imagination: Self, Identity, and the Sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca, 2002.
- Whitehead N.L.* Dark Shamans: Kainama and the Poetics of Violent Death. Durham, North Carolina, 2002.
- Wigzell F.* Reading Russian Fortunes: Print Culture, Gender and Divination in Russia from 1765. Cambridge University Press, 1998.
- Адоньева С.* Прагматика частушки // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 156–178.
- Арсеньева Е.В.* Представления об «особом» знании и способах его передачи у восточных славян // Проблемы социальной и гуманитарной науки / Под. ред. Н.Б. Вахтина и др. СПб., 1999. С. 185–194.
- Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
- Вишневецкий А.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- Волков В.* Концепция культурности, 1935–1938 гг.: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 203–221.
- Мельникова Е.* Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет? // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 250–266.
- Смит С.* Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопр. ист. 1998. № 8. С. 154–161.
- Смит С.* Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 76–80.
- Утехин И.В.* Из наблюдений над поэтикой жалобы // Труды факультета этнологии. СПб., 2004. № 2. С. 274–305.